

А.А. Сирина

DOI: 10.25693/SVG.V.2021.34.1.004

УДК 396(=512.212)

Эвенкийка Павла Васильевна Афанасьева в научной жизни С.М. Широкогорова и Г.М. Василевич*

Статья посвящена научному сотрудничеству классиков тунгусоведения Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939) и Глафиры Макарьевны Василевич (1895–1971) с эвенкийкой Павлой Васильевной Афанасьевой (1896–1968).

Целью статьи является введение в историю тунгусоведения имени эвенкийской учительницы П.В. Афанасьевой.

Статья написана на основе новых материалов из государственных и частных архивов. Работы и идеи С.М. Широкогорова оказали влияние на выбор научных тем и подходов Г.М. Василевич, с уважением относившейся к научному наследию своего предшественника. В статье показаны различия в их подходах к созданию эвенкийского литературного языка и письменности. Широкогоров и Василевич никогда не встречались, однако эвенкийке Павле Васильевне Афанасьевой из Хабаровского края посчастливилось поработать сразу с двумя этими выдающимися учеными. С.М. Широкогоров познакомился с ней, работая в Маньчжурской экспедиции 1915–1917 гг., он готовил ее к этнографической и фольклорной работе. Позже в Ленинграде она помогала Г.М. Василевич как информант в сфере лингвистики при составлении эвенкийско-русского словаря. Таким образом, оба ученых способствовали сохранению культурного наследия эвенков и формированию национальной эвенкийской интеллигенции. Делается вывод о том, что, несмотря на социальные революции начала XX в. и связанные с ними разрывы, преемственность в российском тунгусоведении сохранялась, в т. ч. благодаря эвенкам.

Ключевые слова: история сибирской этнографии, С.М. Широкогоров, Г.М. Василевич, МАЭ, эвенкийка П.В. Афанасьева, преемственность российского тунгусоведения

Введение. Процесс привлечения народов Сибири к изучению своего языка, фольклора и культуры происходил в России, начиная с первой половины XIX в. Благодаря проводимой в СССР национальной политике, коренные народы получали образование. Из их среды выходили писатели и поэты, авторы литературных произведений, часто автобиографического характера. Они также становились учеными, авто-

рами научных монографий и статей, прежде всего в сфере языка и фольклора, а позднее и этнографии. Аборигенная наука стала международным феноменом, однако именно в СССР и в постсоветской России это явление проявилось особенно ярко [Balzer, 1995].

Цель статьи состоит в том, чтобы познакомить научное сообщество тунгусоведов с талантливой эвенкийской учительницей Павлой

*Автор благодарит Светлану Андреевну Удыгир за предоставленные фотографии Павлы Васильевны Афанасьевой. Также выражает признательность Надежде Яковлевне Булатовой.

Васильевной Афанасьевой, ставшей корреспондентом МАЭ и информантом, деловым партнером и, возможно, другом выдающихся ученых, классиков российского тунгусоведения С.М. Широкогорова и его супруги Е.Н. Широкогоровой, а позже и Г.М. Василевич. П.В. Афанасьева сыграла роль одного из связующих звеньев, которые соединили прерванные в результате революции 1917 г. научные связи и традиции. Образно говоря, знакомство Г.М. Василевич с П.В. Афанасьевой стало своеобразным приветом и научным завещанием С.М. и Е.Н. Широкогоровых.

Материалы и методы. Данная статья появилась как один из результатов работы над научно-исследовательским проектом по переводу книги С.М. Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов» [Широкогоров, 2017]. Она основана на материалах из государственных и частных архивов: Санкт-Петербургского архива РАН, фондов Амурского краеведческого музея и из архива независимого исследователя Г. Гейне, любезно предоставившего копию письма С.М. Широкогорова.

Результаты. Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939) и Глафиру Макарьевну Василевич (1895–1971), несмотря на гендерные и социальные различия, объединяла страсть к научным исследованиям тунгусов (эвенков), способности к изучению языков. Они оба стали классиками тунгусоведения благодаря своим замечательным трудам и их влиянию на последующие поколения ученых.

С.М. Широкогоров прожил короткую, насыщенную радостями творчества и счастливого супружества, жизнь (52 года), вместившую в себя учебу во Франции, работу в отделе антропологии Музея антропологии и этнографии АН в Петербурге/Петрограде, три экспедиции к восточным группам тунгусов-орочонов и маньчжуров, включая Маньчжурскую (1915–1917), преподавание во Владивостоке, вынужденную эмиграцию в Китай, где он читал лекции в разных университетах, в т.ч. с 1930 г. в университете Цинхуа в Пекине, и написал ряд фундаментальных трудов по социальной организации и шаманству тунгусов и маньчжуров, составил первый диалектный тунгусско-русский словарь [Ревуненкова, Решетов, 2003].

Г.М. Василевич всю свою жизнь отдала советской науке и тунгусоведческим исследовани-

ям, постоянно выезжала в долговременные экспедиции к разным группам эвенков, изучала язык, написала целый ряд уникальных по этнографическому содержанию монографий и статей, составила словари и сборники, воспитала несколько поколений лингвистов [Ермолова, 2003]. Её огромное творческое наследие еще предстоит изучить.

Так случилось, что ученые не встретились при жизни. Широкогоров жил в Китае и не стремился в СССР, но из Китая внимательно следил за публикациями по специальности. Ученые знали друг друга по статьям и книгам, по собранным коллекциям.

Первую половину своей научной жизни Г.М. Василевич занималась практической лингвистикой. В 1930-е гг. Г.М. Василевич принимала непосредственное участие в создании эвенкийской письменности, эвенкийско-русских и русско-эвенкийских словарей, учебников. Эта работа была новаторской, ограниченной жесткими временными и идеологическими рамками. С.М. Широкогоров критически откликнулся на проект эвенкийской письменности (на латинице до 1937 г.), научная основа которого была подготовлена Г.М. Василевич, и вообще на советский проект в отношении тунгусских народов. Сергей Михайлович обратил внимание на политические и лингвополитические причины создания эвенкийской письменности, считая, что эвенкийский литературный язык не имеет будущего. В стандартизации эвенкийского языка он видел игнорирование диалектов и на этом основании называл грамматику эвенкийского письменного языка «грамматикой изобретенного языка» [Хасанова, 1994]. Причины такого отзыва были не только научные, но и политические: Широкогоров до конца жизни не признал советскую власть. Вместе с тем летом 1916 г. он и сам предпринимал попытки обучения отдельных представителей ороочонов кириллическому письму с целью организации самозаписи их фольклора, поскольку маньчжурский алфавит оказался неподходящим для обозначения звуков ороочонского (эвенкийского) языка. Опыт оказался удачным, и научившийся ороочен «начал обучать транскрипции других ороочен, при чем, утверждают они, “это и есть настоящая орооченская азбука”».

Просят они составить им азбуку, напечатать ее и прислать»¹.

Г.М. Василевич была знакома с книгами и статьями Широкогорова. В монографии «Эвенки» она впервые дала наиболее полный на тот момент историографический обзор трудов, написанных об эвенках. В обзоре есть ссылки на три англоязычные монографии Широкогорова и две его работы, опубликованные на русском языке [Василевич, 1969]. Одним из поводов к аресту Г.М. Василевич в 1952 г. был тот факт, что она хранила две книги Широкогорова. Эти книги впоследствии были уничтожены, а Василевич заставили подписать документы об их ликвидации как «не имеющих ценности» [С.М. Широкогород, 2017: 688]. Она также просматривала перевод книги Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов» из архива МАЭ на предмет его публикации и делала на нем пометки, касающиеся перевода отдельных терминов и использования эвенкийских слов [там же].

Василевич имела возможность работать с широкогородскими вещевыми и фотографическими коллекциями, хранящимися в фондах Сибири и в помещении отдела этнографии Сибири МАЭ, когда исследовала проблемы этногенеза тунгусо-маньчжурских народов на примере предметов их материальной культуры – колыбели, одежды и других, тем самым восполняя пробел, вызванный невозможностью для нее вести полевую работу у эвенков Китая.

Глафира Макарьевна соглашалась не со всеми выводами С.М. Широкогорова. Так, например, она не поддерживала его гипотезу о южном происхождении тунгусов. В то же время она активно использовала его работы и как источник новых фактов и идей, и как образец.

Хотя Широкогород и Василевич никогда не встречались, они имели общих знакомых из числа старших коллег (Л.Я. Штернберг и др.) и информантов. Так, Павле Васильевне Афанасьевой посчастливилось поработать сразу с двумя этими выдающимися учеными. Её «нашел» и готовил к этнографической и фольклорной работе С.М. Широкогород, будучи в Маньчжурской экспедиции 1915–1917 гг.

Рис. 1. П.В. Афанасьева. 1930-е годы. Фото из личного архива С.А. Удыгир.

Позже в Ленинграде она работала с Г.М. Василевич над составлением словаря [Василевич, 1958] как информант в сфере лингвистики.

Г.М. Василевич воспитала целую плеяду ученых – лингвистов и этнографов из числа эвенков. Таким образом, оба ученых способствовали сохранению культурного наследия эвенков и формированию национальной эвенкийской интеллигенции.

Г.М. Василевич даже включила в свою монографию историю учебы Павлы Васильевны Афанасьевой из Хабаровского края: «В пос. Чекунде (район Буреи) один золотопромышленник, якут Аполлон Жирков², построил в 1900 г. трехклассную начальную школу-интернат для местных детей якутов и эвенков. Школа была рассчитана на 40 учащихся. Наиболее способных Жирков направлял по окончании школы в Благовещенск, где для этого содержал квартиру-интернат и воспитателя. Учились они в гимназии или в техническом училище на деньги Жиркова. Большинство направленных не выдерживало новых условий жизни, заболело туберкулезом и возвращалось обратно. Только одной эвенкийке Афанасьевой Павле Васильев-

¹ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 68. Л. 124.

² Подробнее об А.Н. Жиркове см. работу Саввинова А.И. (2020).

не удалось окончить гимназию. По окончании ее она два года (1912–1914 гг.) учительствовала в Чекундинской школе, после чего продолжила учебу во Владивостокском университете».

Важное дополнение Василевич дает в сноске: «П.В. Венглинская-Афанасьева принимала участие в работе над эвенкийским словарем, изданным автором в 1958 г. Она много лет работала в эвенкийских школах. Скончалась в 1968 г.» [Василевич, 1969: 193]. Упоминание года смерти Афанасьевой говорит о том, что Василевич поддерживала с ней постоянные отношения, или, по крайней мере, ей была небезразлична жизнь своего информанта и коллеги, и она хотела увековечить память о ней в книге.

А вот как описывал историю обучения той же самой П.В. Афанасьевой (не называя ее имени) С.М. Широкогоров в письме к немецкому этнологу Гансу Финдейзену из китайского Амоя от 3 июня 1927 г., на сорок лет раньше книги Василевич: «В девяностые годы прошлого столетия богатый (мехоторговец) якут ведший дела с тунгусами (часть их теперь уключивала на о. Сахалин) устроил школу для тунгусских детей и немногих якутских детей этого района. В этой школе в конце 90-х и в начале 900-х годов училось большое количество тунгусских детей. 11 детей (10 мальчиков и 1 девочка) по окончании этой школы были приняты в гимназию в г. Благовещенске. Все мальчики (быть может, часть их осталась и жива) прекратили занятия в гимназии до окончания курса вследствие поголовного заболевания туберкулезом. Девочка же окончила гимназию и в течение трех или четырех лет изучала медицину в России. Ввиду туберкулезного процесса она, однако, вернулась в тайгу к своим родителям и до революции состояла заведующей школой на Нимане (река Бурея, склад Чекунда) и складом товаров для тунгусов, отпущенных в кредит русским правительством. Эту тунгуску, ее сородовичей и детей учившихся, местное русское население называло «якутами». Мне удалось в этой тунгуске пробудить интерес к изучению антропологии и языка тунгусов. К сожалению, во время известного разгрома го-

рода Николаевска большевиками все антропологические материалы сгорели (они были в доме друзей этой тунгуски), но часть лингвистических материалов у меня сохранилась в моих материалах за границей. Т. обр. их диалект известен мне. Он принадлежит к северной группе диалектов, а вся группа этих тунгусов к IV сев.-тунгус. миграционной волне (см. мою «North. Tung. Migrations'»)»¹.

Два текста выдающихся тунгусоведов во многом совпадают и взаимодополняют друг друга, восстанавливая историю образования эвенкийки Павлы Васильевны Афанасьевой, а также позволяют предположить, что она рассказывала Г.М. Василевич о своих встречах с Широкогоровыми.

С.М. Широкогоров познакомился с П.В. Афанасьевой в Маньчжурской экспедиции 1915–1917 гг. [Сирина, 2018]. В письме к Л.Я. Штернбергу из ст. Радде Амурской обл. от 2 сентября 1916 г. он замечал: «Я искренне счастлив, что мне удалось найти Афанасьеву. Это будет исключительной ценности научный деятель по тунгусоведению»². Ученый с «тунгусоведным сердцем», Сергей Михайлович радовался возможности привлечь самих представителей изучаемых им народов к сбору фольклорного и этнографического материала и вещевых коллекций, сделать их корреспондентами Музея антропологии и этнографии и своими собственными. Приведу выдержку из этого письма: «Афанасьева... уже записала около 2 печ.[атных] листов сказок. Она же привезла коллекцию тунгусских орнаментов (я их посылаю посылочкой). Записи ее очень недурны и скоро она будет писать очень хорошо. Теперь она будет зимою у тунгусов и снова будет работать. Я ее инструктировал по антропометрии, а Е.[лизавета] Н.[иколаевна] во время пребывания обратит ее внимание на изучение матер.[иальной] культуры и др. вопросов этнографии. Я же со своей стороны наградил ее кучей вопросов лингвистич.[еского] и этногр.[афического] характера. Необходимо нам ее снабдить антропометрическими инструментами и листками»³.

¹Копию фрагмента письма С.М. Широкогорова к Г. Финдейзену любезно предоставил в распоряжение автора этой статьи немецкий исследователь Г. Гейне, в личном архиве которого хранится оригинал.

²СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 68. Л. 94–96об.

³Там же.

В состав упомянутой коллекции вошли трафареты для вышивки, орнаменты и фигурки оленей, вырезанные из плотной бумаги и бересты. Коллекция, куда вошли 29 ед. хр. (20 коллекционных номеров), собранная П.В. Афанасьевой, была зарегистрирована в МАЭ 1 февраля 1930 г. С.В. Ивановым под № 2652. В КП МАЭ РАН имеется запись: «От Павлы Васильевны Афанасьевой, через С.М. Широкогорова» [Сирина, Давыдов, 2017].

Супруги Широкогоры планировали, что осенью 1916 г. Елизавета Николаевна поедет вместе с Павлой Васильевной к бурейским тунгусам на два месяца для проведения антропометрических измерений и этнографической работы, обучения Афанасьевой научным методам. Однако Елизавета Николаевна пропустила последний до ледостава пароход и поездка не состоялась.

Находясь в экспедиции, Широкогоры постоянно поддерживали письменное общение с Павлой Васильевной, однако не все письма сохранились. В связи с большой ценностью подобной переписки приведем ниже письмо П.В. Афанасьевой к С.М. и Е.Н. Широкогорым от 26 января 1917 г. из Чекунды.

«Многоуважаемые Сергей Михайлович и Елизавета Николаевна, здравствуйте!

Не зная, где Вы обитаете, решила написать Вам по старому адресу. Сперва о делах. Они у меня подвигаются скверно. Хотя я знаю, что Вы не одобрите меня, но, по личным моим убеждениям, я иначе поступить не могу. Дело в том, что я, вопреки моим летним соображениям не брать уроков, опять ими завалена.

Эти ученики – бывшие школьники, окончившие при мне школу и желающие поступить в среднее учебное заведение. Кроме меня, подготовить здесь некому, а везти их куда-либо для подготовки родители не в состоянии. Вот! И пришлось мне с ними заниматься; времени они у меня занимают много и устаю я, все-таки, порядком, но отказаться не имею нравственного права. А потому, едва ли удастся подготовиться к аттестату зрелости. Книги, мною выписанные, до сих пор не пришли. О них хлопотал Михаил Кузьмич (Толмачев, консерватор Благовещенского музея – А.С.). И если книги не скоро при-

дут, то когда я их прочту. На Рождестве ездила к шаману, но весьма неудачно: не застала его дома. Думаю на масленице опять поехать. Некоторые вещи тунгус[ские] приобрела. А сказок еще ни единой. Все евенки разъехались соболевать и ни одного теперь не поймашь до весны. Думаю весной что-нибудь записать. Дела школьные тоже не клеятся, в общем в этом году мне не везет. Неприятности с инспектором, хотя он здесь не был и ни одной бумажки я от него не получила.

С первым пароходом думаю выехать в Благовещенск-Сахалин. Ехать в Петроград, окончательно, решила. Управление Водных Путей покупает мои постройки – это решено. Гоша мой учится немного, читает и лепечет по-русски.

Скоро на Чекунде будет ярмарка, съедутся все тунгусы и тогда, надеюсь, что-нибудь сделаю. Соболиная охота в этом году скверная: мало соболей и, кроме того, сорт соболей совсем стал не тот, как прежде. Не знаю, чем это объяснить; вероятно, переходом местных соболей в другие места и приходом сюда соболей других мест.

Местные тунгусы страшно материально нуждаются: нет ни провизии, ни одежды. Приехал из тайги один знакомый и рассказывал, и трудно поверить, что человек может жить в подобных условиях. Много пользы принесла казенная провизия, не будь провизии казенной, многие бы тунгусы поумирали с голоду.

Как мне это ни больно, но видно придется им бросить свою бродячую, свободную жизнь и начать оседлую, с известным, постоянным заработком, жизнь. Много надежд тунгусы возлагали на этот год, но все напрасно: соболей мало, и кроме того, они дешевые в этом году.

Пока примите привет и наилучшие пожелания

С почтением. П. Афанасьева

P.S. Гоша шлет Вам привет. Он у меня молодец: не скучает. П. Афанасьева¹».

Связь с Афанасьевой Широкогоры поддерживали и после их возвращения из Маньчжурской экспедиции. Это было время двух революций, турбулентности в обществе. Широкогоры летом 1917 г. уехали из революционного Петрограда в Екатеринодар, где, живя на хуторе

¹СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 117. Л. 32–33.

Рис. 2. П.В. Афанасьева. 1960-е годы. Фото из личного архива С.А. Удыгир.

родственников жены, занимались обработкой собранных материалов. Оттуда С.М. Широкогоров 28 августа писал Л.Я. Штернбергу: «В телеграмме г. Афанасьева извещает меня, что она выехала на о. Сахалин, что будет продолжать работу – записи сказок, антропометрия etc. Это очень хорошо! Она просит, как я ей говорил, выслать ей деньги на покупку коллекций» [Широкогоров, 2015].

После революции Афанасьева, по выражению Широкогорова, «занималась комиссарством» на Сахалине и в устье р. Амура, как и сотрудник археологического отряда Маньчжурской экспедиции, дальневосточный археолог и краевед А.З. Федоров. Они провели повторную перепись среди коренных народов на Сахалине, Амуре, в Усурийском крае, собрали большой материал по численности и экономическому состоянию населения. Широкогоров сообщал Штернбергу из Пекина в декабре 1917 г.: «Эти комиссары у всех «инородцев» пользовались большим успехом и их именовали «наш царь». Учредит.[ельное] Собр.[ание] они бойкотировали и признавали лишь те распоряжения, кот.[орые] исходили от «их царей». Обычный курьез»¹.

Получив телеграфное сообщение от Афанасьевой о том, что на Дальнем Востоке в районе Николаевска можно было начинать работать, Широкогоровы весной 1918 г. планировали выехать из Китая для проведения полевых исследований на территории российского Дальнего Востока², но поездка не состоялась.

Обсуждение и заключение. Неизвестно, как долго продолжалась переписка Широкогоровых с Афанасьевой после их эмиграции. Вероятнее всего, она прервалась. Однако из уже имеющихся материалов можно понять, что супруги Широкогоровы оказали большое влияние на формирование национального самосознания и интереса к эвенкийскому языку и этнографии Павлы Васильевны Афанасьевой и не только её, но и некоторых других ороchon. Активное сотрудничество ученого с Павлой Афанасьевой принесло свои плоды, выразившиеся в сборе коллекций для МАЭ, новых материалов в копилку этнографа и в собственное образование Павлы Васильевны. Когда она стала сотрудничать с Глафирой Макарьевной Василевич в Ленинграде, консультируя и помогая ей в работе над словарем, она была вполне подготовленным человеком, понимавшим смысл и значение лингвистической и этнографической работы.

Таким образом, оба ученых способствовали сохранению культурного наследия эвенков и формированию национальной эвенкийской интеллигенции.

Тот факт, что П.В. Афанасьева сотрудничала с двумя крупнейшими тунгусоведами XX в. – С.М. Широкогоровым и Г.М. Василевич – в сфере этнографии, фольклора, музейного собирательства и языкознания позволяет говорить о преимуществах российского дореволюционного, эмигрантского и советского тунгусоведения, и важной роли представителей эвенков в процессе формирования научных знаний о культуре своего народа.

Список литературы:

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX вв.). Л.: Наука, 1969. 302, [2] с.

¹СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 319. Л.19.

²СПбФ АРАН Ф. 282. Оп. 2. Д. 319. Л. 22–22об.

Ермолова Н.В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы / Сост. и ред. Д.Д. Тумаркин. 2003. Вып. 2. С. 10-46.

Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100-119.

С.М. Широкогоров и его книга «Социальная организация северных тунгусов»: история создания и перевода, структура, интерпретации / Сирина А.А., Давыдов В.Н., Певнов А.М., Поворознюк О.А., Симонова В.В. // Социальная организация северных тунгусов [Автор С.М. Широкогоров. Отв. ред. А.А. Сирина, В.Н. Давыдов]. М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 676-706.

Саввинов А.И. Приамурские якуты в материалах Петра Шимкевича: к истории формирования этно-территориальных групп в Приамурье // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 4 (33). С. 45-57.

Сирина А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1915–1917) // Этнография. 2018. № 1. С. 64-85.

Сирина А.А., Давыдов В.Н. «Продававшая леди плакала... когда покупку уносили»: Этнографические коллекции С.М. и Е.Н. Широкогоровых // Этнографическое обозрение. 2017. №5. С. 9-31.

Хасанова М.М. Рецензия на: S.M. Shirokogoroff. Tungus Literary Language. Asian Folklore Studies, Vol. 50, 1991 // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 74-75.

Широкогоров С.М. Письма к Л.Я. Штернбергу (1912–1924) // Этнографическое обозрение. 2015. №6. С.155-174.

Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов. М.: Наука – Восточная литература, 2017. 710 с.

Balzer M.M. What's "Native" About Non-Russian Anthropology? // Culture Incarnate: Native Anthropology From Russia [Edited by M.M. Balzer]. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1995. P. 3-28.

Словари:

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 803 с.

References:

Balzer M.M. *Chto «rodnogo» v nerusskoj antropologii? Voploshhenie kul'tury: otechestvennaja antropologija iz Rossii. Pod redakciej M.M. Balzer* [What's "Native" About Non-Russian Anthropology? Culture Incarnate: Native Anthropology From Russia. Edited by

M.M. Balzer]. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1995. Pp. 3-28. (In English)

Ermolova N.V. Tungusoved Glafira Makar'evna Vasilevich [Tungus scholar Glafira Makarievna Vasilevich]. *Repressirovannye jetnografy* [Репрессированные этнографы. Compiled and edited by D.D. Tumarkin]. 2003. Release 2. Pp. 10-46. (In Russian)

Hasanova M.M. Recenzija na: S.M. Shirokogorov. Tungusskij literaturnyj jazyk. Aziatskij fol'klor [Review: S.M. Shirokogorov. Tungus literary language. Asian folklore]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 1994. № 4. Pp. 74-75. (In Russian)

Revunenkov E.V., Reshetov A.M. Sergei Mihailovich Shirokogorov [Sergey Mikhailovich Shirokogorov]. *Jetnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review]. 2003. № 3. Pp. 100-119. (In Russian)

S.M. Shirokogorov i ego kniga "Social'naja organizacija severnyh tungusov": istorija sozdanija i perevoda, struktura, interpretacii. Sirina A.A., Davydov V.N., Pevnov A.M., Povoroznjuk O.A., Simonova V.V. [S.M. Shirokogorov and his book "The Social Organization of the Northern Tungus": the history of creation and translation, structure, interpretation. Sirina A.A., Davydov V.N., Pevnov A.M., Povoroznjuk O.A., Simonova V.V.]. *Social'naja organizacija severnyh tungusov. Avtor S.M. Shirokogorov. Ot. red. A.A. Sirina, V.N. Davydov* [Social organization of the northern Tungus. Author S.M. Shirokogorov. Resp. ed. A.A. Sirina, V.N. Davydov]. Moscow: Science – Eastern Literature Publ., 2017. Pp. 676-706. (In Russian)

Savvinov A.I. Priamurskie jakuty v materialah Petra Shimkevicha: k istorii formirovaniya jetnoterritorial'nyh grupp v Priamur'e [Amur Yakuts in the materials of Pyotr Shimkevich: on the history of the formation of ethnic and territorial group in the Amur region]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North – Eastern journal of humanities]. 2020. № 4 (33). Pp. 45-57. (In Russian)

Shirokogorov S.M. Pis'ma k L.Ja. Shternbergu (1912–1924) [Letters to L.Ya. Sternberg (1912-1924)]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2015. №6. Pp.155-174. (In Russian)

Shirokogorov S.M. *Social'naja organizacija severnyh tungusov* [Social organization of the northern Tungus]. Moscow: Science - Eastern Literature Publ., 2017. 710 p.

Sirina A.A. Man'chzhurskaja jekspedicija S.M. i E.N. Shirokogorovyh (1915–1917) [Manchurian Expedition of S.M. and E.N. Shirokogorovs (1915-1917)]. *Jetnografija* [Ethnography]. 2018. № 1. Pp. 64-85. (In Russian)

Sirina A.A., Davydov V.N. "Prodavshaja ledi plakala... kogda pokupku unosili": Jetnograficheskie kollekcii S.M. i E.N. Shirokogorovyh ["The lady who sold was crying ... when the purchase was carried away":

Ethnographic collections of S.M. and E.N. Shirokogorov]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2017. №5. Pp. 9-31. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX vv.)* [Evenks. Historical

and ethnographic essays (XVIII - early XX centuries)]. Leningrad: Science Publ., 1969. 302 p. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Jevenkijsko-russkij slovar* [Evenk-Russian Dictionary]. Moscow: Foreign and national dictionaries State Publ., 1958. 803 p. (In Russian)

A.A. Sirina

The Evenk Woman Pavla Vasilievna Afanaseva in S.M. Shirikogorov's and G.M. Vasilivich's Scientific Life

The article is devoted to the scientific cooperation of the classics of Tungus studies Sergei Mikhailovich Shirokogorov (1887–1939) and Glafira Makarevna Vasilevich (1895–1971) with the Evenk teacher Pavla Vasilievna Afanasyeva (1896–1968). The aim of the article is to introduce the name of the Evenk teacher P.V. Afanasyeva into the history of Tungus studies. The article was written on the basis of new materials from public and private archives. The works and ideas of S.M. Shirokogorov influenced the choice of scientific topics and approaches of G.M. Vasilevich, who respected the scientific heritage of her predecessor. The article shows the differences in their approaches to the creation of the Evenk literary language and writing. Shirokogorov and Vasilevich have never met, but the Evenk woman Pavla Vasilyevna Afanasyeva from the Khabarovsk Kray was lucky to work with these two outstanding scientists at once. S.M. Shirokogorov got to know her while working in the Manchurian Expedition of 1915–1917, he prepared her for ethnographic and folklore work. Later in Leningrad, she helped G.M. Vasilevich as an informant in the field of linguistics in the compilation of the Evenk-Russian dictionary. Thus, both scientists contributed to the preservation of the cultural heritage of the Evenks and the formation of the national Evenk intelligentsia. The conclusion is made that, despite the social revolutions of the early XX century and the breaks associated with them, the continuity in the Russian Tungus studies was preserved, including thanks to the Evenks.

Keywords: history of Siberian ethnography, S.M. Shirokogorov, G.M. Vasilevich, MAE, Evenk woman P.V. Afanasyeva, continuity of Russian Tungus studies

